

ПОЛВЕКА ИЗ ЖИЗНИ ДОНСКОГО ХУТОРА:
ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ПАНТЕЛЕИМОНОВСКОЙ ЦЕРКВИ
ХУТОРА ЛЕТОВСКОГО СТАНИЦЫ КРЕМЕНСКОЙ
УСТЬ-МЕДВЕДИЦКОГО ОКРУГА
ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО (1873–1929)

Е. А. АГЕЕВ

Статья вводит в научный оборот ценный источник по истории приходской жизни конца XIX — начала XX в. на Дону — приходскую летопись, найденную в одном из следственных дел репрессированных священнослужителей. Данная летопись уникальна большим временным охватом — с 1873 до 1929 г., она включает годы революции, Гражданской войны на Дону и первое послереволюционное десятилетие. Автор дает краткий обзор истории создания летописи, характеристики ее шести авторов — сельских священников.

На протяжении первых 30 лет отмечается строительство и украшение храма, отсутствие конфликтов. В начале XX в. отмечаются конфликты прихожан с духовенством. В летописи описываются тяготы жизни рядовых казаков, бедствия Гражданской войны, голод начала 1920-х гг. В послевоенные годы отмечается растущее недовольство прихожан мероприятиями Советской власти: налоговой политикой, антирелигиозной пропагандой и притеснениями духовенства, начинающейся коллективизацией. Повествование ведется сельскими священниками и отражает их собственное восприятие ключевых событий эпохи.

В статье рассматриваются отношение прихожан к храму и Церкви, восприятие ими современных событий, участие в приходской жизни. Делаются выводы о высокой степени вовлеченности казаков в церковную жизнь, большое значение Церкви в их повседневной жизни. Приводимые в статье факты свидетельствуют об устойчивости приходской хуторской общины, которая смогла выстоять в катаклизмах Гражданской войны. Принудительное разрушение приходского уклада в годы коллективизации разрушило общину и привело к деградации и исчезновению сельского поселения. Последний автор летописи был репрессирован, причем из текста становится понятно, что обвинение его и арестованных вместе с ним священнослужителей и прихожан в подготовке вооруженного восстания являлось ложным.

За последние два десятка лет в нашей стране издано много публикаций по церковной истории XIX–XX вв. Это стало возможным благодаря открытости архивов, а также свободе развития церковно-исторической науки. Большинство ра-

бот концентрируется на проблеме церковных институций — священноначалия, церковного и епархиального управления. Не отрицая важности этой области, нужно заметить, что в науке активно развивается исследование истории общества. В этом подходе история Церкви рассматривается не со стороны ее институций, а с точки зрения восприятия религиозных взглядов и принципов в обществе. Известный американский историк Грегори Фриз (Gregory Freeze) считает, что для лучшего понимания исторических процессов необходимо изучать не только историю Церкви и духовенства, но прежде всего историю общин верующих, т. е. приходскую историю. По утверждению Фриза, именно «в приходской жизни лежит ключ к пониманию церковной истории в начале XX века»¹. Понимание церковной жизни накануне революционных событий и в продолжение их очень важно для осмысления не только событий прошлого, но и современности. Именно сейчас в Церкви и в обществе предпринимаются попытки восстановления утраченного и исправления поврежденного, поэтому очень важно понять, что именно нужно восстанавливать и исправлять.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей и закономерностей приходской жизни на примере отдельного прихода Области Войска Донского. Приходские летописи могут служить важными источниками по истории приходской жизни. История приходского летописания в России в конце XIX — начале XX в. рассматривалась исследовательницей из МГУ Е. А. Агеевой в нескольких статьях и докладах². Нужно отметить, что в целом по стране такие летописи мало изучаются и используются, большая часть их не сохранилась в революционных и военных катаклизмах. Сохранившиеся летописи представляют собой ценный источник по истории различных приходов, а приходы, в свою очередь, составляли основу российского общества. С трудом удалось найти некоторые краеведческие публикации приходских летописей, например на Урале³, на Севере⁴.

Ведение приходских летописей с середины XIX в. вменялось в обязанность священникам, благочинные обязаны были проверять написание летописей. Специальные книги для летописей заказывались в типографиях и выдавались на приходы. Как следует из наставления, помещенного в начале книги, летописи должны были вестись в приходах по благословению местного архипастыря.

¹ Фриз Г. Л. Православие, власть и секуляризация в России, 1860–1940 // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DNI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). URL: <http://www.perspectivia.net>.

² Агеева Е. А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX — начала XX века // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2000. Т. 3. С. 127–136; *Она же*. Церковные летописи — важнейший источник для изучения приходской жизни втор. пол. XIX — нач. XX в. // Исторический вестник. 2001. Т. 15. № 4. С. 155–169; *Она же*. Церковноприходские летописи втор. пол. XIX — нач. XX в.: вопросы изучения // Современные проблемы изучения истории Церкви: Международная научная конференция: Тезисы докладов. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 3–5.

³ Глухих Н. В., Миронова А. А. Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская речь. 2008. № 1. С. 74–78.

⁴ Добренский С. И. Церковно-приходские летописи второй половины XIX — начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен: Сб. статей. Вологда, 2002.

В Донской епархии летописание было установлено архиепископом Афанасием (Пархомовичем). Записи должны были содержать «историко-статистическое описание церкви и прихода со времени основания», а также «все замечательные местные события». К сожалению, такие летописи давно уже не ведутся на приходах.

В Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО), сохранилось всего 11 приходских летописей. Большинство из них заполнялись достаточно формально, но некоторые выделяются из ряда чисто делопроизводственных документов, благодаря усердию их авторов. Ценным источником является летопись Христо-Рождественского храма станицы Урюпинской. Она была исследована и опубликована волгоградским историком С. П. Синельниковым и демонстрирует значительную активность урюпинских прихожан в революционные годы⁵. В 1917 г. при приходе учреждаются вечерние курсы для взрослых, приходское попечительство о бедных, богадельня, приход взял на свое содержание учителей, которым не выплачивалось жалованье из министерства. Нужно отметить, что станица Урюпинская в то время была бурно развивающимся окружным центром, и ее статус соответствовал статусу уездного города в других частях Российской империи. Вместе с тем урюпинская летопись охватывает непродолжительный, хотя и критический период в жизни приходской общины. Ее можно рассматривать как моментальный снимок приходской жизни накануне и в годы Первой мировой войны, а также в начале Гражданской войны.

Представляется интересной задачей исследовать летопись, которая дает более широкую временную экспозицию приходской жизни — более полувека, на протяжении которых различные авторы отражали различное видение происходящих вокруг событий. Речь идет о недавно обнаруженном в архиве Управления ФСБ РФ по Волгоградской области источнике — приходской летописи Пантелеимоновской церкви хутора Летовский Усть-Медведицкого округа ОВД⁶. Этот хутор был основан казаками станицы Кременской среди песков на левом берегу Дона. Дата основания неизвестна, по данным за 1873 г., в хуторе было 95 дворов, 756 жителей. Земли вокруг хутора не отличались плодородием, поля располагались далеко — более 20 верст, но на прогреваемых солнцем Арчединских песках хорошо росли арбузы, а в донской пойме простиралась обильная пастбища для скота. О процветании хутора свидетельствует быстрый рост его населения — по данным первой всеобщей переписи населения Российской Империи (1897), в хуторе было уже 140 дворов, проживало 1025 человек⁷. Рядом с хутором Летовским, в нескольких верстах ближе к Дону, находился хутор Головской. В 1873 г. в нем было 84 двора и 660 жителей. Этот хутор также рос — 1101 житель в 1897 г. От хуторов до станицы было 15 верст, преодоление которых осложнялось необходимостью переправы через Дон. Весенние разливы совсем отделяли хутора от

⁵ Синельников С. П. Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника // Волга. 2000. № 413.

⁶ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви хутора Летовский (Архив УФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 18632пф. Л. 1–58. Далее — Летопись).

⁷ Рябов С. И. Усть-Медведицкий округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.): Историко-статистическое описание поселений. Волгоград, 2012. С. 171.

приходской Никольской церкви. Казаки в 1873 г. решили построить деревянный храм, который был в 1874 г. освящен в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона. По данным клировых ведомостей за 1904 г., приход церкви насчитывал 2885 человек. В церкви служили священник, дьякон и псаломщик. Доход церковного причта составлял около 700 руб. и 60 пудов хлеба ежегодно. При церкви были открыты приходское училище и школа грамоты.

Приходская летопись началась в 1896 г., однако ретроспективно она охватывает события в приходе начиная со времени строительства храма. Первым ее автором был священник Василий Попов, служивший с момента освящения храма, он был очевидцем и участником всех предшествующих событий, его записи отличаются подробностью, приведением цифр и дат. Возможно, он опирался не только на собственную память, но и на приходские документы, поэтому мы смело можем относить начало летописи к 1873 г. О. Василий добросовестно записывал в летописи ежегодные статистические данные по своему приходу. Число свадеб в хуторе стабильно было высоким, количество рождающихся детей постоянно превышало смертность в 2–3 раза. Еще одним из преемников отца Василия отмечено постоянное снижение числа прихожан в церкви, но оно объяснено переселением летовских казаков в другие хутора — Ветютнев, Фролов, Шурупов и Терновский, ближе к своим полям.

Деревянный храм был построен за год на средства прихожан. Храм был в плане крестообразным, как свидетельствует сохранившийся фундамент — 23 м от входа до алтаря и 18 м между приделами. Вначале он был без колокольни и не обшит досками, но через три года здание было отделано тесом, а еще через три года сооружена деревянная ограда, впоследствии пристроена колокольня и дом для школы. Настоятель скрупулезно описывает эти пожертвования в летописи — за 30 лет на обустройство храма и необходимых построек израсходовано 8145 руб., на украшение храма — 2975 руб. Кроме того, в 1892 г. за 900 руб. прихожанами для причта куплен участок земли в 50 десятин, в дополнение к такому же участку, пожертвованному на помин души войсковым старшиной Г. А. Голубинским семью годами ранее.

Священник так характеризует своих прихожан: «Прихожане все православные христиане — к богослужению усердны; у исповеди и причастия бывают ежегодно. Поучения слушают со вниманием, к отправлению молебнов и поминовению усопших весьма усердны и внимательны». Он отмечает, что «прихожане с открытием училищ постепенно стали развиваться в умственном и нравственном отношениях. Пороков особенных среди прихожан не замечается. Пропитание себе снискивают хлебопашеством и скотоводством, средства к жизни весьма ограниченные»⁸.

Отец Василий Попов отмечал в летописи особые природные явления. Не имея прямого отношения к церковной жизни, они оказывали существенное влияние на жизнь земледельцев. От погоды зависел урожай, от урожая — достаток в семьях казаков, а от достатка — усердие прихожан к храму. Далеко не всегда зависимость усердия от достатка была прямой. Часто именно природные бедствия побуждали хуторян к молитве. В 1893 г. священник отметил сильный град

⁸ Летопись. Л. 7 об.

и нашествие саранчи. Весна 1898 г. отмечена сильной засухой, прихожане стали совершать крестные ходы с иконами по полям и молебны о ниспослании дождя. Вскоре прошли обильные дожди, и казаки собрали хороший урожай, как пишет священник: «Господь послал дождей, так что всё оживилось, травы и хлеба были хорошие — год выпал безбедный»⁹. За четверть века своего служения в хуторе Летовском настоятель практически не запомнил крупных неурожаяев, но начало грозного XX в. было отмечено целой чередой. Не менее чем природные неурядицы первых лет XX в., в умах и сердцах казаков отразилась Русско-японская война. Несмотря на оптимистический тон повествования о молебнах и проводах, священник не может скрыть удрученного настроения казаков и их семей.

Его преемник, Иоиль Федоров, описал погребение отца Василия, скончавшегося в 1906 г.: «Паства трогательно, с рыданиями, прощалась с своим родным батюшкой, который у них прослужил почти 33 года и так много для них и для храма с Божией помощью сделал»¹⁰. Он упоминает о большом количестве говеющих на великопостных службах: на первой неделе — 500 человек, на второй неделе — 700 человек, на третьей неделе — 600 человек. Однако, в отличие от предшественника, у о. Иоила не сложились нормальные отношения с прихожанами хутора Летовский. На приходском собрании, состоявшемся после Пасхи, прихожане подтвердили отказ попечителей прихода покупать дом для нового священника. Более того, прихожане отказались выплачивать благочинному денежные взносы за первое полугодие. Вскоре прихожан увещевал благочинный. Он предложил казакам «серьезнее отнестись к нуждам Церкви» и выкупить дом у вдовы о. Василия. Приходское собрание снова отказалось это сделать, хотя признало потребность священника в жилье и даже располагало необходимой суммой. Приходские деньги в сумме 2500 руб., как заявили летовцы, необходимы им для украшения храма¹¹.

Причина противостояния была вполне прозаической: новый священник поднял в два раза плату за совершение треб, что возмутило летовских прихожан. Как свидетельствует один из участников приходского собрания, из числа попечителей храма, И. Ф. Свинков: «Можно бы дом купить, если за требу плату сбавил священник, брал бы за брак не 6 рублей, как у них редко платили, а 3 рубля»¹².

Записи о настроениях прихожан чередуются с тревожными наблюдениями над весенней засухой. Несмотря на противостояние со священником, жители хутора Летовский просят его отслужить молебен в бездождии, и в середине мая пошли дожди. Но отношения между пастырем и паствой не поправились, на приходском собрании перед престольным праздником 15 июля 1907 г. священник снова просил о приобретении жилья и снова услышал отказ. После престольного праздника обстановка еще более ухудшилась. Хозяин дома, где священник с апреля жил на квартире, потребовал заплатить за проживание по 7 руб. в месяц вместо заранее обговоренных 3 руб. В случае отказа священника расплатиться

⁹ Летопись. Л. 8 об.

¹⁰ Там же. Л. 13 об.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 14 об.

по новой цене, ему предложили освободить квартиру. Несогласия с прихожанами вызвали совершенно иную оценку отцом Иоилем тех же самых людей, о которых так тепло отзывался о. В. Попов. Он пишет осенью 1907 г.: «В приходе преобладающий порок пьянство и, сопряженные с ним, распутство и грубость. Жители отдаленных хуторов очень редко бывают в храме; даже [жителей] Головского и Летонского больше половины летом не бывает»¹³. Трудно сейчас оспорить первое утверждение, но обвинение в пренебрежении к богослужениям будет объяснено и отчасти оправдано в последующих записях отдаленностью полей от хутора и храма на 20 и более верст. Это показывает, что священник так и не смог найти общего языка со своими прихожанами, наконец, он был переведен архиереем в другое место — прихожане победили в споре.

Новый священник — о. Александр Андреев — не упоминает о проблемах с жильем, более того, попечительство построило ему дом в 1908 г. В одной из первых записей нового священника мы читаем такую фразу: «Первое впечатление от прихожан прекрасное, которое в скором времени стало постепенно ступенькаться перед некоторыми грубыми невежественными выходками прихожан»¹⁴. Возможно, конфликт с предшественником о. Александра поколебал в летовцах уважение к духовному сану. Трудно оценить отношение о. Александра Андреева к своим пастырским обязанностям, однако к приходскому летописанию он отнесся небрежно. За пять лет служения в Пантелеимоновской церкви он крупным размашистым почерком заполнил всего два листа. Практически все его краткие заметки говорят нам о погоде и реже об урожае. Среди предельно кратких фенологических заметок священника встречаются оценки материального положения своих прихожан: «Народ находится в тяжелом материальном положении, что в высшей степени неблагоприятно отзывается на причтовых доходах»¹⁵. Возможно, именно недостаток средств к содержанию семьи вынудил его просить о переводе.

Записи с 1913 по 1915 г. отличаются подробностью и эмоциональностью. Новый священник — о. Михаил Сахаров — также упоминает о трениях с прихожанами по поводу жилья, но не для себя, а для нового дьякона¹⁶. С назначением нового священника приходская жизнь к осени 1913 г. нормализовалась. С окончанием затянувшихся из-за летней непогоды полевых работ наполнился храм, стали играть свадьбы. Автор отмечает «большой приток богомольцев» на зимних праздниках, большое число говеющих в первые недели Великого поста нового 1914 г. В мае 1914 г. автор отмечает совершение благодарственного молебна при большом стечении людей по случаю «закрытия монополии». Речь идет о введении строгого нормирования продажи крепких алкогольных напитков, а с июля алкоголь попал под полный запрет. Автор пишет: «Все за самым малым исключением неисправимых алкоголиков рады и ждут этого момента с нетерпением»¹⁷. Летописец говорит, что и после введения «сухого закона» казаки одобрительно высказывались об этой своевременной мере.

¹³ Летопись. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 15 об.

¹⁵ Там же. Л. 17 об.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 21 об.

Обычное течение хуторской жизни было прервано в июле 1914 г. известием о начале Первой мировой войны. С этого времени жизнь прихода стала зависеть от вестей с фронта. В конце июля автор воодушевленно описывал проводы казаков. Летописец вслед за хуторянами внимательно следил за известиями с фронта. В августе все радовались первым победам, молились об упокоении павших воинов, заказывали благодарственные молебны за успехи русских войск. В октябре начался сбор помощи для нуждающихся семей фронтовиков. Попечительский совет принимал пожертвования зерном и деньгами, хотя требовавших помощи в приходе еще не было. В декабре для фронтовиков стали собирать теплые вещи и отправлять посылки. Пока мужчины были на фронте, оставшиеся в хуторах с трудом справлялись с полевыми работами, в поле выходили все от мала до велика. Автор жалуется на отсутствие детей на занятиях в приходской школе, но понимает: без детских рабочих рук с урожаем не управиться. Несмотря на тяготы и тревогу за близких, увеличилось усердие прихожан к молитве. В октябре в хутор прибыла первая партия беженцев, расселенная по домам летовцев. Люди, бежавшие от немецких войск, были озябшие и больные, прихожане охотно делились с ними дровами и продуктами. В декабре прибыла вторая партия беженцев, которая также была расселена по квартирам.

После описания тягот военного 1915 г. записи обрываются. Далее следует отрывочная запись, датированная 25 февраля 1918 г. В ней сообщается о том, что по выбору прихожан 25-летний сын учителя В. Е. Горбачев был рукоположен в диаконский сан донским архиепископом Митрофаном (Симашкевичем) в кафедральном соборе Новочеркасска¹⁸. Имя нового диакона больше не встречается, его судьба неизвестна.

Регулярные записи возобновляются с апреля 1919 г. Новый священник, о. Феоктист Маланьин, в одной из первых записей поставил своей целью восполнить пробел в приходском летописании, вызванный революционной смутой. Повод, побудивший священника взяться за перо, — очередная смена власти в хуторе Летовском — казачьи войска отступили за Дон, оставив левобережье наступающим частям Красной армии. Он описывает события в России и на Дону 1917—1919 гг. так, как видит их сам: «О политическом перевороте в сей книге еще не упомянуто. Нужно заметить, что 26 февраля 1917 года Царь Самодержавный Николай II отрекся от престола “во благо народа”, передав власть своему возлюбленному брату Михаилу, который 27 февраля тоже отказался царствовать. До ноября 1917 года управляло российской державой “Временное Правительство” из членов народной русской Государственной Думы, а к ноябрю 1917 года власть государства перешла в руки “Советов рабочих и солдатских депутатов” — образовались “Народные Комиссары” — диктатура пролетариата. Учредительное собрание не состоялось по политическим соображениям. До июня прошлого 1918 года учреждена власть советская, большевистская. Против этой власти на юге России восстали казаки и на западе поляки. Борьба политическая против власти “советов” идет до настоящего дня. Не видно конца Гражданской войны. Наша местность шесть раз перешла из рук в руки. Жители трепещут»¹⁹.

¹⁸ Летопись. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 26 об — 27.

Опасения сбылись с лихвой: красноармейцы реквизировали и без того скудный урожай, подводы с лошадьми и рабочую силу. Кто мог, убежал из хуторов, в сентябре полностью остановились полевые работы, самых необходимых товаров в лавках не было. В преддверии суровой зимы священник вспоминает в своей записи о болезнях, которые поразили население в 1918 г.: лихорадка разных видов, рожа, оспа, холера, тиф местами еще не прекратился. «Карающая и милующая Десница Всевышнего действует на нас, грешных, во всей силе: болезни, войны, стоны и слезы матерей, детей, сирот, и, не дай Бог, сильный голод. Боже, сохрани нас от всякой напасти, голода, напрасной смерти и междоусобной войны!»²⁰ — с тяжелыми предчувствиями пишет о. Феоктист. В октябре и ноябре продолжается массовая реквизиция у жителей хутора скота: коров, овец, а также птицы для питания красноармейцев. И только в середине декабря, когда части Красной армии переправились через Дон и продолжили преследование казаков, хутор Летовский освободился от постоя и прокорма солдат. Положение было плачевным: зима только начиналась, но уже почти не осталось запасов продовольствия, не было заготовлено дров, для отопления изб были сожжены заборы и сараи, не было соли, мыла и керосина, немногий уцелевший скот страдал болезнями, распространялись по хутору тиф и лихорадка.

Наступивший 1920-й год не принес облегчения: в январе и феврале на фоне разрухи в хуторе свирепствовал повальный тиф, многие умирали, мер против эпидемии не было никаких. Никого не радовали ни обильные снегопады, которых не было много лет, ни дружное таяние снегов, ни ранняя весна. Говеющих на великопостных службах было очень мало: кто-то на войне, кто-то убежал от войны, кто-то умер от тифа, а кто-то еще лежал больной. Только к празднику Пасхи, выпавшему на 29 марта, собралось много народа из окрестных хуторов. Не прекратились болезни и смерти и в апреле.

С весны и до конца 1919 г. священник не делал записей, и мы не знаем, что происходило в опустошенном гражданской войной хуторе. Очевидно, острый дефицит рабочей силы не позволил собрать сколько-нибудь достаточный урожай, этот год окончился страшным голодом, от которого умерли миллионы людей. В конце декабря священник делает короткую запись о том, что хлеб и картофель у них на хуторе пока есть, но «к весне будет жутко!»²¹.

После ухода Красной армии жизнь стала спокойнее, но население хутора сильно поредело. В январе 1920 г. немногих трудоспособных мобилизовали на заготовку дров в донских пойменных лесах для железной дороги. Священник пишет, что служит в церкви один, без певчих и молящихся. Закончилось церковное вино для совершения Литургии, свечи и масло для лампад, и не было возможности ничего достать. Оставшиеся хуторяне кое-как посеяли поля и посадили огороды. В июне 1920 г. он был переведен к Христорождественской церкви станицы Старогригорьевской, а его место занял последний автор летописи — о. Адам Чечко.

В отличие от своих предшественников священник Адам Кириллович Чечко был родом из далекой Польши. Он родился в 1876 г. в пределах Царства Поль-

²⁰ Летопись. Л. 28.

²¹ Там же. Л. 30 об.

ского, учился в одной из духовных академий России, до войны служил в Варшавской епархии. В 1915 г. он стал беженцем — был эвакуирован с супругой и тремя детьми в Донскую область. Неизвестно, где он служил на протяжении пяти предшествовавших лет. 27 июля 1920 г. он был назначен архиепископом Донским Митрофаном в хутор Летовский, но приехал только к Покрову.

Он записал на страницах летописи, что его предшественник покинул хутор еще в мае. По большим праздникам службы в храме совершались иеромонахом Пантелеимоном из Кременского монастыря, который охотно отзывался на просьбы прихожан. С самого начала у отца Адама сложилось впечатление о летовских прихожанах как о людях, усердных к храму, так как они прислали за ним подводы в станицу Новогригорьевскую. Священник отмечает, что председатель сельсовета хутора Головского часто посещал службы и принимал участие в церковной жизни.

В первое время священник служил один, приходилось мириться с отсутствием причетников и певчих. Первой заботой и священника, и его паствы был продолжающийся недостаток всего необходимого для жизни, особенно продовольствия, продолжалось голодное время. В середине октября наступила ранняя суровая зима, нечем было кормить скотину. За хлебом приходилось ездить в другие станицы, но везде его было трудно достать. Денежное обращение было нарушено, приходилось менять хлеб на одежду, соль, предметы первой необходимости, которых также не было. Власти не разрешали перевозить хлеб между станицами, ставили кордоны на дорогах, обыскивали подводы, отнимали зерно. Зерно и сено реквизировалось продотрядами и в хуторах.

О. Адам пишет летом 1921 г.: «Дожди слишком запоздали, а потому надеяться на хороший урожай нечего. Повсюду стоит страшный голод; редко у кого из жителей есть хлеб, питаются большей частью различными кореньями, конским щавелем, корой от дуба и рябины. Старожилы не запомнят такого голода»²². Священник голодал вместе с прихожанами, даже иногда сильнее, так как у него не было своего хозяйства, а прихожанам нечем было с ним поделиться: «Несмотря на большой приход, хлеба не вижу уже более месяца, голодаю еще больше чем прихожане; они имеют хотя молоко, а у меня и того нет. Чувствуется вследствие недоедания страшная тоска, упадок сил и нравственная неуравновешенность. Купить хотя можно было бы кое-что, но денег значительных сумм нет, денежных подаваний за требы на приходе вообще не отмечается, а тут все дорого»²³.

Плохое питание вызывало повальные болезни, летом 1921 г. в хуторе была холера. Урожай зерновых был очень плохой, некоторые не набрали и того, что посеяли. В августе поспели многочисленные дыни и арбузы, которыми стали питаться хуторяне. Осенью сыграли много свадеб, хотя запасов в зиму практически не было. С наступлением зимних холодов голод усилился. В декабре 1921 г. священник пишет об открытии бесплатных столовых американской организации помощи «АРА», которая начала свою благотворительную деятельность в России с сентября 1921 г. В январе 1922 г. такая столовая на 107 человек открылась и в хуторе Летовский. Дети с радостью бежали в столовую со своей посудой и должны

²² Летопись. Л. 34 об.

²³ Там же. Л. 35.

были там съесть свой горячий обед из риса и какао²⁴. Однако автор с радостью отмечает повсеместные молебны на полях, за которыми последовали обильные дожди, многолюдные престольные праздники в июле 1922 г.

После окончания голодных и смутных лет восстанавливалась богослужбная жизнь. Духовенство и прихожане ездили на праздники в соседние хутора. Так, уже в 1921 г. на престольный праздник великомученика Пантелеимона в хуторе Летовском собралось три священника с соседних приходов. В сентябре 1921 г. сами летовцы массово поехали на престольный праздник во Фролово, где служил собор из семи священников и пел великолепный хор.

Хотя в летописи ни слова не говорится об «обновленчестве», есть упоминания о его последствиях. В июне 1923 г. отец Адам пишет о введении нового стиля, которое «отшатнуло народ от церкви»²⁵. Переход на новый стиль советского правительства в феврале 1918 г. стал одной из демонстративных мер разрыва с царской Россией, Белое движение и Православная Церковь не признавали его. Обновленцы подчинились требованию властей перейти на новый календарь, но это их решение вызвало большое недовольство в народе, верующий народ продолжал встречать праздники «по-старому». Так, престольный праздник великомученика Пантелеимона 1923 г., на который собрались пять священников и семь диаконов, прошел 27 июля по старому календарю, то есть 9 августа по новому²⁶. Однако на рождественскую службу, которую стали совершать в конце декабря по новому стилю — 25 декабря — собралось всего 20 человек, а на новогодний молебен 1 января 1924 г. пришло семь прихожан. Только крещенское водосвятие 6 января было многолюдным, потому что священник объявил, что по старому стилю, 19 января, он не будет освящать воду²⁷. О. Адам пишет о недовольстве и ропоте прихожан, отсутствии средств к существованию — прихожане перестали жертвовать на храм, грозили побоями, но не осуществили своих угроз, очевидно понимая, что священник только подчиняется распоряжениям священноначалия.

В сентябре отец Адам отмечает негативную перемену в приходской жизни — дом священника был отобран под сельсовет. Возможно, это было сделано по решению самих хуторян, так выражавших недовольство переменах в церкви. Низкий урожай 1924 г. снова вызвал опасения голода, но теперь советская власть оказывала помощь беднейшим крестьянам. На Пасху 1925 г. служба была малолюдной — все ушли в монастырь и в станицу Кременскую, из чего можно сделать вывод, что недовольство прихожан новыми порядками продолжалось. Тем не менее в мае священник снова совершил множество молебнов по хуторам своего прихода. Отец Адам пишет о многолюдных престольных праздниках в Летовском и во Фролово, но не упоминает, по какому стилю они совершались. Урожай 1925 г. был собран богатый, однако, как и до революции: «По случаю урожая весь народ в радостном настроении, но только то горе, что опять пошло

²⁴ Летопись. Л. 36 об.

²⁵ Там же. Л. 37 об.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 38 об.

пьянство и варка самогона»²⁸. К концу 1925 г. прихожане, вероятно, смирились с новым стилем, и Рождественские праздничные службы были особенно торжественными и многолюдными.

Весной 1926 г. священник впервые пишет в летописи об антирелигиозной пропаганде и так рассуждает об этом: «Народ начал понемногу посещать церковь и говеть, хотя, по правде сказать, далеко не столько народу бывает, как в прежние годы. Причина охлаждения народа к религиозным потребностям — революция наложила свой отпечаток на все — антирелигиозные выступления настраивают многих несознательных элементов против духовенства, церкви, религии, неблагоприятно отзываясь на религиозном сознании людей, особенно неустойчивых в вере. Да откуда почерпнуть ему и силы, если он так стеснен в области верования. Никаких ни беседований, ни вечерних занятий в смысле религиозно-нравственного просвещения народа без разрешения власти устраивать не допускается. Преподавание религиозных предметов не допускается ни под каким видом в школах, а дома сами родители мало заботятся о том, чтобы научить их истинам веры, да кроме того, они малограмотны и по той причине вместо правильных молитв преподают какую-то отсебятину. Во многих соседних приходах недовольство прихожан и охлаждение их к храму Божию объясняется неблагоприятным поведением пастырей (здесь несколько строк зачеркнуто. — Е. А.), что, конечно, влияет на народ деморализующим образом, и в корень подтачивает их религиозные устои. Между тем на стороне антирелигиозной имеется все: типографии, кинематографы, армия самых отчаянных неверов, которым ничто не значит потушить в сердцах верующих искру Божию. С этой целью устраиваются коммунистические Пасхи, праздники рождественские, выпускается масса брошюр, направленных против религии, издаются специальные журналы вроде “Безбожник”, “Крокодил”, в которых отрицается все святое, ставятся разные пьесы отрицательного характера, где главную роль играет духовенство, представленное в самом неблагоприятном свете; высылаются разные газеты, вроде “Красное слово”, “Крестьянская правда” — где нет почти ни одного номера, где бы не было нападения и высмеивания духовенства и представление их в неприглядном виде. Умный человек посмотрит и отойдет с сожалением, а глупому только того и надо, чтобы посмеяться вволю и таким-то образом шаг за шагом подтачивается религиозность народа»²⁹. Впрочем, Пасха и престольный праздник в 1926 г. по-прежнему собрали множество молящихся из всех окрестных хуторов.

Вслед за рассуждениями о причинах отпадения людей от веры он вновь горько сетует о том, что духовенство само часто смущает веру у прихожан своими разногласиями. О. Адаму были непонятны церковные подразделения, и он не увидел в противниках «обновленцев» — «тихоновцах» — приверженцев правды, его смущали их методы борьбы: «Одни других проклинаят, анафематствуют, высмеивают, и каждая отрасль верований считает себя, что только она есть действительно истинная церковь»³⁰. Особенно беспокоят автора случаи изгнания духовенства приходскими общинами. Прихожане часто требовали от пастырей

²⁸ Летопись. Л. 40.

²⁹ Там же. Л. 42.

³⁰ Там же. Л. 41.

перехода из обновленческого раскола в «тихоновскую» церковь, а в противном случае угрожали изгнанием. Такая участь уже постигла двух соседних настоятелей. Священники опасались радикальных настроений своих прихожан, но больше боялись преследования властей: за отказ от «обновленчества» им грозили «ссылкой в Нарымский край».

На Троицу 1928 г. состоялось приходское собрание, на котором впервые за многие годы принято решение о ремонте храма, договорились о внутренних работах за 1000 руб., вскоре начали и сам ремонт. По полям с молебнами не ходили из-за продолжавшихся дождей. Очень много прихожан собралось на престольный праздник, как пишет священник: «...всякий пришел поинтересоваться поновленным храмом».

Рождественские службы в декабре 1928 г. были многолюдны, но праздники были омрачены известиями об арестах священников. На первой неделе Великого поста в церкви было 150 исповедников: «Слава Богу, не весь народ забыл Бога», — пишет о. Адам. К празднику Пасхи на хуторе Летовском решили устроить антирелигиозную пропаганду — привезли радиоточку и повесили напротив церкви, в Пасхальную ночь на улице должен был проводиться антирелигиозный спектакль. Он не состоялся, так как радиоточка оказалась неисправной, организовали лотерею, но по звону колоколов к Пасхальной службе вся молодежь пошла в храм³¹. В мае началась засуха, но на обычные молебны в полях священника не звали, боялись репрессий от властей. Только 20 мая он поехал в хутор Шляховский по просьбе прихожан, и в тот же день был вызван в отдел ГПУ во Фролово. Его обвинили в антисоветской агитации и продержали в камере весь день, хотя вечером отпустили домой³².

Летопись обрывается в сентябре 1929 г., так как 30 октября священник Адам Чечко был арестован по обвинению в подготовке вооруженного восстания для свержения советской власти во Фроловском районе. Всего в хуторах Фролово, Летовском, Выездинском, Шляховском, Любимовском, Новой Панике было арестовано 42 человека. Это были священники, причетники, старосты храмов, офицеры царской армии, казаки, воевавшие в гражданскую войну на стороне белых, зажиточные хозяева. Отца Адама Чечко, поляка по национальности, объявили главой заговора. Летопись оказалась в следственном деле. Ее последние страницы густо исчерчены синим карандашом следователя — искали фамилии, адреса, свидетельства заговора, антисоветские высказывания. Священник откровенно описывал происходящие вокруг события, многим был недоволен, поэтому свидетельства против него найти было легко.

Как он сам свидетельствует в своих показаниях, осенью 1929 г. отец Адам Чечко получил распоряжение от архиерея о снятии с церкви колоколов. Священнику было предложено довести распоряжение до сведения церковного совета и не препятствовать снятию и вывозу колоколов. Отец Адам объявил об этом прихожанам на праздничных богослужениях: 20 октября была Дмитриевская поминная суббота, 21 октября — воскресный день, а 22 октября — осенний праздник Казанской иконы Богородицы. Все три дня праздников в храме был

³¹ Летопись. Л. 43.

³² Там же. Л. 44.

большой приток молящихся, необычным было большое число желающих исповедоваться и причаститься. Сам священник говорил на допросе, что раньше в это время никто не говел. До прихожан Пантелеимоновской церкви дошли слухи о закрытии нескольких храмов в районе, связанных с организацией там колхозов. Коллективизация шла полным ходом, прошло собрание и в хуторе Летовском, на нем председатель сельсовета объявил о предстоящем закрытии церкви: в советских колхозах не должно быть места религии. Объявление отца Адама о предстоящем снятии колоколов только укрепило дурные вести и побудило прихожан к скорейшим исповеди и причастию — как перед смертью. В числе причастников был даже председатель Шляховского крестьянского комитета Попов. Через две недели, 3 ноября, на богослужении вновь было множество желающих причаститься и исповедоваться. Несмотря на отступление от вековых традиций, отец Адам никому не отказывал в исповеди и причастии, за что и был вскоре арестован. В стечении верующих в храм власти увидели угрозу, первым из обвинений, предъявленных арестованному священнику, было нарушение церковных канонов — служба и причастие в неположенное время. О. Адам терпеливо объяснял следователю, по каким поводам совершались богослужения, говорил, что причастие не запрещено в это время года, а не совершается только из-за нежелания прихожан³³.

В июне 1930 г. вместе с четырьмя другими фроловчанами он был расстрелян. Остальных, в том числе двух фроловских священников, отправили по лагерям. «Гнездо контрреволюции» было разгромлено, «банда церковников и белогвардейцев» уничтожена, а летопись сохранилась в архиве НКВД. Управление ФСБ по Волгоградской области в 2011 г. любезно предоставило прекрасно сохранившийся оригинал летописи для выставки в Волгоградском областном краеведческом музее, посвященной 20-летию Волгоградской епархии. По окончании работы выставки оригинал летописи был возвращен в архив, но церковные историки получили возможность исследовать этот ценный источник.

Из рассматриваемой летописи мы можем наблюдать неизменно уважительное и заботливое отношение летовских хуторян к вере и храму. Приходская церковь строилась, поддерживалась, украшалась на их средства, без распоряжений «сверху», как до революции, так и после. Хуторское общество было самоорганизующейся общиной, поскольку вообще для казачества характерна высокая степень самоорганизации. Катаклизмы революции и Гражданской войны сильно поколебали эту общину, тем не менее приход сохранился и продолжал заботиться о храме, о чем свидетельствует ремонт 1928 г. Известие о снятии колоколов и предстоящем закрытии храма осенью 1929 г. вызвало сильное недовольство, тем более что сопровождалось первым этапом массовой коллективизации. Занимаясь сельским хозяйством, казаки постоянно обращались к церковным молитвам как перед началом основных этапов полевых работ, так и во время природных бедствий (засух, дождей и пр.), угрожавших урожаю. Только коллективизация прекратила эту практику. При этом отмечается, что казаков побуждали к усиле-

³³ Показания А. К. Чечко (Архив УФСБ РФ по Волгоградской обл. Ф. 6. Д. 18632 пф. Л. 84).

нию молитв и пожертвований как благоприятные, так и неблагоприятные годы, и последние в большей степени.

Отношение летовских прихожан к духовенству изменялось в зависимости от их личных качеств. В целом уважительное отношение временами сменялось конфликтным, как это было в 1907 г. с о. Иолием Федоровым, когда приход упорно отказывался предоставить ему квартиру из-за повышения платы за требы. Другой конфликт, не такой острый, но продолжительный в 1920-х гг. был связан не с личными качествами священника, а с непопулярными изменениями — переходом на новый календарь, что пошло вразрез с многовековыми традициями.

В целом можно считать, что хуторская община, концентрирующаяся вокруг православного храма, на протяжении 50 лет явила себя вполне устойчивым образованием, поддерживавшим традиции русского народа в целом, и казачества в частности. Ее активность проявлялась в строительстве и заботе о приходском храме, предоставлении содержания духовенству, совместных молитвенных действиях, связанных с сельскохозяйственными работами. Общину связывали воедино сословная принадлежность, общность занятий и интересов, традиции. Община часто противостояла вторжениям извне, в том числе священникам, стремившимся изменить сложившиеся порядки. Разрушение общины было вызвано искусственно, поскольку ее традиции и установки противоречили новым порядкам в стране, официальному политическому и идеологическому курсу. В то же время уровень образования, в том числе и религиозного, оставался низким, без церковных школ вера не могла уже передаваться новым поколениям. Следует заметить, что с начала 1930-х гг. прежде процветавший хутор, в начале XX в. крупнейший в округе, стал приходить в упадок, а в 1960-х гг. практически исчез. Вероятно, это не единственные выводы, которые можно извлечь из данной приходской летописи, что показывает ее важность для изучения общественных процессов.

Ключевые слова: церковные летописи, Дон, донские казаки, Гражданская война, приходская община, коллективизация, репрессии против духовенства, «обновленчество».

HALF A CENTURY OF LIFE OF DON KHUTOR:
THE PARISH CHRONICLE OF ST. PANTELEIMON'S CHURCH OF
KHUTOR LETOVSKIY, STANITSA KREMENSKAYA,
UST'-MEDVEDITSKAIA DISTRICT, TROOPS
OF THE DON REGION (1873–1929)

E. AGEEV

The article puts forward into scientific circulation a valuable source on the history of the parish life of the late 19th — early 20th century on the Don — the parish chronicle found in one of the investigations of the repressed clergy. This chronicle is unique high temporal coverage, from 1873 to 1929, it includes the years of revolution, Civil war on the Don and the first post-revolutionary decade. The author gives a brief overview of the history of the chronicle, the characteristics of its six authors — rural priests.

The first thirty years were marked by the construction and decoration of the church and the absence of conflict. The early twentieth century was marked by the conflicts of the parishioners with the clergy. In the chronicle it was described the hardships of the lives of ordinary Cossacks, the scourge of Civil war, the famine of the early 1920s. In the postwar years there has been growing discontent of the parishioners by the activities of the Soviet government: tax policy, anti-religious propaganda and oppression of the clergy, beginning with collectivization. Narratives are rural priests, and it reflects their own perception of the key events of the age.

The author in the article examines the attitude of the parishioners to the Church, their perception of current events, participation in parish life. He concludes on a high degree of involvement of Cossacks in the Church life, the importance of the Church in their daily lives. The facts given in the article, suggest the sustainability of the parish farm, the community was able to survive in the turmoil of the Civil war. Forced destruction of parish life in the years of collectivization destroyed the community and has led to the degradation and disappearance of rural settlement. The last author of the chronicle was repressed, he and those arrested with him the clergy and parishioners were accused of preparing an armed uprising. The chronicle shows that this accusation was false.

Keywords: Church chronicles, Don oblast, the Don Cossacks, the Civil war in Russia, parish community, collectivization, repressions against the clergy, “Renovationism”.

Список литературы

1. Агеева Е. А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX — начала XX века // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2000. Т. 3. С. 127–136.
2. Агеева Е. А. Церковные летописи — важнейший источник для изучения приходской жизни втор. пол. XIX — нач. XX в. // Исторический вестник. 2001. Т. 15. № 4. С. 155–169.

3. *Агеева Е. А.* Церковноприходские летописи втор. пол. XIX — нач. XX в.: вопросы изучения // Современные проблемы изучения истории Церкви: Международная научная конференция: Тезисы докладов. Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 3–5.
4. *Глухих Н. В., Миронова А. А.* Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская речь. 2008. № 1. С. 74–78.
5. *Добренький С. И.* Церковно-приходские летописи второй половины XIX — начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен: Сб. статей. Вологда, 2002.
6. *Рябов С. И.* Усть-Медведицкий округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.): Историко-статистическое описание поселений. Волгоград, 2012.
7. *Синельников С. П.* Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника // Волга. № 413. 2000.
8. *Фриз Г. Л.* Православие, власть и секуляризация в России. 1860–1940 // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013). URL: <http://www.perspectivia.net>.